

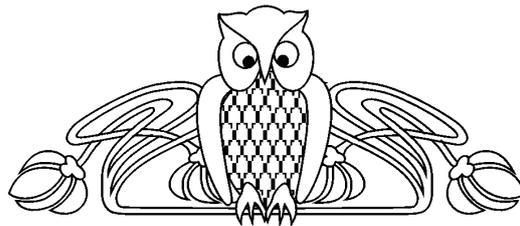

УДК 32:130.3

ЛОГИКА ГЕНЕЗИСА ИМПЕРСКИХ СТРУКТУР

Н.И. Шестов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: nikshestov@mail.ru

Статья посвящена изложению одной из возможных логических схем, объясняющих происхождение имперского социально-политического порядка, объективные и политико-мифологические основания его динамики. Схема построена с учетом существования имперских структур, в разное историческое время прерывавших свою эволюцию.

Ключевые слова: империя, пассионарность этноса, политическое пространство, политическое время.

Logic of Empire Genesis Structures

N.I. Shestov

The article presents one of the possible logical schemes, explaining the origin of the empire-social order, as well as the objective and political-mythological foundations of its dynamics. The scheme has been built considering the existence of empire structures, the evolution of which was stopped during different historic epochs.

Key words: empire, passionarity of ethnos, political sphere/area, political time.

О каких бы проблемах, порожденных либеральным реформированием современной России, ни шла речь в публицистических сочинениях, проблемах внутренних или геополитических, почти всегда в рассуждениях проскальзывают ностальгические нотки: если бы нынешней России да ее бывшее имперское могущество, так все нынешние проблемы вмиг были бы решены. Имперское прошлое России живописуется как «утраченный рай» отечественной политики, необходимость вернуться в который очевидна для всякого, у кого есть разум и патриотическое чувство. Проблема в том, что эти публицистические суждения опираются на весьма «размытое», по сути своей мифологическое представление о смысле и логике перехода социально-политической системы в имперское качество. Империя предстает озарением, посетившим сознание того или иного народа или, в случае крушения империи, той «истиной», до понимания которой народ не дорос. В таком мифологическом отношении к имперской проблематике есть своя положительная сторона. Как и многое в историческом опыте конкретного социума, имперский опыт имеет свою иерархическую нишу, удерживаться в которой ему помогает эмоциональная поддержка со стороны массового сознания. Можно быть противником или сторонником имперской традиции в России, например, но сам по себе масштаб этой тради-

ции в любом случае будет вызывать удивление и желание приобщиться к знанию этой традиции.

Особую плоскость представляет собой научный опыт осмысления имперской проблематики. В структуре нашего современного научного знания об истории разных народов «империя» выглядит неким переломным моментом в развитии политических, экономических и культурных процессов. Таким моментом, до которого прогрессирование социальных структур и практик выглядит очевидным фактом, а после которого такое прогрессирование становится уже проблемой, подлежащей научному обсуждению. «Империя» мыслится как идеальная цель исторического развития, по достижении которой политическое сообщество как бы совершает и, в какой-то мере, завершает свою историческую миссию.

Сложность научной рефлексии в рамках имперской проблематики состоит в том, что имперские структуры в качестве предмета научного анализа с трудом поддаются локализации в географическом пространстве и физическом времени. В границах одного и того же пространства империи возникают, распадаются и возникают вновь с уже новыми качествами. Так что порой трудно сказать, все та же это империя или возникла совершенно новая. Политическое пространство империи наглядно демонстрирует иные характеристики, нежели характеристики географических пространств, к которым мы формально пытаемся их привязать. Та же картина наблюдается и в отношении времени. Процесс формирования политической структуры может произойти почти мгновенно, в течение жизни одного поколения, а может растянуться на века. Империя может возникнуть в истории данного народа лишь раз, а может возвращаться в его историю периодически вслед за периодами экономического и политического разобщения. Что опять же предполагает возможность зарождения у исследователя сомнения: имеет ли он дело с этапами формирования одной социально-политической и территориальной системы или же с последовательной сменой нескольких систем, каждая из которых своим возникновением «отрицает» предшествующую. Основанием для такого сомнения часто служит наше знание особенностей имперской политической культуры, в которой обычно наблюдается тенденция к более-менее четкому осознанию и обозначению политического пространства империи, то есть пространства компетенции импер-

ской власти, но совершенно нечетко выражено понимание временных пределов. Имперским социально-политическим системам свойственно осознавать и презентовать себя в качестве «вечных». Империя, таким образом, исторически предстает инструментом взятия под контроль политического времени, что само по себе лишает исторические процессы «нормальной» динамики, и наблюдение такого нарушения подталкивает исследователей мыслить империю как отклонение от «исторической нормы».

Представляется, что именно эта трудность пространственно-временной локализации империй как предмета анализа побуждает исследователей временами выходить за границы суждений, основанных на исторических фактах, и оперировать понятиями «имперский дух», «имперская традиция», «имперское сознание». Понятиями, подчеркивающими то обстоятельство, что для исследователя привязка анализируемой исторической реальности к определенному пространственно-временному формату не является принципиально важной для понимания сути этого феномена.

В данном случае не имеет смысла включаться в почти двухсотлетнюю философскую дискуссию относительно того, является ли рождение и распад империй свидетельством прогресса или регресса, свидетельством «историчности» или «не историчности» разных народов, у каких обществ есть «имперский дух», а у каких нет. В пользу той и другой точки зрения можно подобрать достаточное количество аргументов и цитат из сочинений известных мыслителей. Есть, однако, факт, который нарушает стройность умозаключений, основанных на противопоставлении имперского и не имперского опыта развития социально-территориальных систем и который заставляет отнестись к функциональности упомянутых философских универсалий с некоторой критичностью.

Фактом является то, что империи не только рождаются и распадаются. Порой складывание империи начинается и даже успешно продвигается, но по каким-то причинам оказывается прерванным, полноценная (в нашем современном представлении) имперская структура не складывается, и социально-политическая система возвращается в прежнее, доимперское состояние. «Империя» остается, так сказать, нереализованным «проектом» развития данного политического сообщества.

Но при этом сама нереализованность такого «проекта» в истории почти всегда оборачивается сдвигами в развитии политических сообществ, не менее масштабными, чем те, которые могло бы вызвать появление «полноценной», по нашим представлениям, имперской структуры. Возникают новые политические и этнические сообщества, на качественно новый уровень выходят экономические и культурные коммуникации, появляются новые религиозные ориентации и

технические новации, родоплеменные структуры трансформируются в государственный порядок и на смену обычаю приходит право в зачаточных или относительно развитых формах. Эти сдвиги хорошо заметны и у тех обществ, которые поневоле становились участниками незавершенных имперских «проектов». Таких, начало которым было положено, например, завоеваниями Александра Великого в Азии, Аттилы или арабов в Европе, а также еще более ранними и малоизвестными масштабными социально-политическими конфликтами. Мы можем судить об этих конфликтах и последовавших за ними социально-политических трансформациях лишь на основании археологических данных. Но сами по себе масштаб и формат тех экономических, демографических культурно-технологических перемен, которые, например, были связаны с перемещениями племен «ямной», «катакомбной», «срубной», «андроновской» археологических культур эпохи камня, бронзы и «раннего» железа по территории Евразии, вполне сопоставимы с масштабом и форматом более поздних процессов имперогенеза. Возможно, что в этих самых ранних попытках организации контроля над политическим пространством и временем наиболее ярко и последовательно проявлялся момент незавершенности различных процессов и процедур, из которых складывается имперское строительство. И в то же время, в привычном нам масштабе всемирной истории, эти незавершенные структуры существовали достаточно долго, что косвенно служит основанием для предположения об их эффективности как определенных механизмов.

Эти сдвиги, возникающие по следам незавершенных процессов имперского строительства, дают основание предположить, что империя является не столько высшей целью, к которой устремлено историческое развитие политических сообществ, не столько рубежом, который должно преодолеть, чтобы продемонстрировать всему свету свою «историчность», сколько механизмом решения вполне конкретных проблем. Проблем, которые по-разному обнаруживают себя в жизни самых разных народов, но при этом имеют одну суть. С этим, вероятно, связано и то обстоятельство, отмеченное выше, что «империя» предстает перед исследователями и как весьма конкретная система, и как «вечная» идея или принцип социально-политической, экономической и культурной организации.

Что представляют собой эти конкретные проблемы, решение которых требует от человеческих сообществ, дотоле вполне самодостаточных и неозабоченных идеей пространственного и ресурсного роста за счет других народов, брать на себя миссию распространения своей культуры, своих правовых и политических представлений на другие земли и народы, брать на себя ответственность за судьбы тех, кто порой им чужд по общей динамике развития?

В свое время известный этнолог Л.Н. Гумилев связал рождение и угасание империй с динамикой пассионарности различных этносов. Хотя по ему одному, видимо, известной причине он мистифицировал ее происхождение, связав ее с действием неизвестных «космических лучей». Если исходить из внутренней логики рассуждений самого основателя отечественной этнологии, то сама идея связи пассионарных и персистентных состояний социума со свойствами его месторазвития уже содержит в себе предпосылку для построения более рациональных объяснений того, каков вероятный источник нарастания и угасания пассионарности или же ее полного отсутствия у этноса.

Человечество смогло выжить в последнюю ледниковую эпоху как биологический вид, дополнив природные механизмы регуляции социальными механизмами. Из этого синтеза в дальнейшем вырос обычай, как основа существования социальной системы в среде, ресурсный потенциал которой четко увязан с числом хозяйствующих субъектов и их технической вооруженностью. Поскольку и число людей и их техническая вооруженность являлись в этой формуле величинами переменными, то существовала постоянная почва для возникновения ситуаций, когда человек должен был выбирать: поступиться обычаем для достижения желаемого практического результата или хранить верность обычаю. Соответственно обычай нуждался во все более жестких порядках воспроизводства, вплоть до сакрализации. Сакрализация обычая выводила решение любой частной, технической, например, проблемы на уровень переживания ее как проблемы космической.

Устойчивый и совершенно земной источник для возникновения феномена пассионарности – конфликт обычая предков и текущей потребности выживания социума в меняющейся или же, напротив, исключительно устойчивой среде, загоняющей человеческие практики в слишком жесткие рамки. Перед человеком встает законный вопрос: стоит ли жертвовать стабильностью мироздания ради решения пусть важной, но частной текущей проблемы? Конфликт эмоционально переживается. Психологический кризис рождает пассионарный настрой у той части людей, которые так или иначе, в действиях или мыслях, движимые соображениями целесообразности или элементарного выживания в экстремальных условиях, отступили от обычая предков и для которых, соответственно, жизнь в ее привычных измерениях закончилась. А то биологическое существование, которое для них продолжается, должно быть, по определению, подчинено совсем иным правилам. Это должна быть жизнь в ином измерении. Возникает всплеск пассионарности индивидов с «активной жизненной позицией», отчасти дискредитирующий обычай предков в глазах тех, кто давно внутренне сомневался в его значимости и целесообразности, но не был готов

к роли лидера. Пассионарность начинает лавинообразно нарастать и приводит к конструированию новых механизмов и институтов социальной организации, выступающих уже не дополнением природных механизмов регуляции жизни человеческого сообщества, не воплощением «обычного» порядка жизнедеятельности, а отрицанием этого порядка. Масштабным историческим отрицанием «обычного» порядка в этом смысле является цивилизация как таковая, как особая внеприродная среда существования человека, созданная им самим в самых разных вариациях.

Возникает нестабильная социокультурная ситуация, в которой достаточность или, напротив, ограниченность ресурсов, обеспечиваемых этносу его месторазвитием и его технической вооруженностью, может с равной долей вероятности иметь два последствия. Достаточность или ограниченность ресурсов может послужить легитимации дела подавления и уничтожения пассионариев, как нарушителей миропорядка внутри самой социальной структуры. Тогда, как следствие, проявляется персистентность этноса, в совершенствовании мифов о сотворении мира и героических деяниях богов находящего творческую отдушину и оправдание «вечности» своих представлений о миропорядке.

Та же достаточность либо ограниченность ресурсов (в зависимости от того, как культурный контекст определяет понимание данной ситуации и обычай нормирует реакцию на нее) может в той же мере легитимировать вытеснение пассионариев за пределы устоявшихся социально-территориальных систем (изгнание на границы родо-племенных территорий, где они формируют автономные полиэтничные сообщества и супер-этносы). Или же их вытеснение из устоявшейся социальной структуры в самостоятельную корпорацию – военно-политическую (дружинную) элиту, чья жизнь подчинена уже не обычаю, а закрепленному в законах, ими для себя установленным, распорядку. В последнем случае разрыв прежних социальных связей также подкрепляется мифологически, созданием преданий о происхождении членов этой корпорации от иных предков (полубогов и героев), нежели земные предки большинства членов родо-племенного коллектива. Возможны и комбинированные варианты, когда, как это случилось на начальной стадии формирования древней Персидской державы или Монгольской империи, маргинальные пассионарные сообщества с периферии социально-территориальной системы перемещаются в ее центр, бывшие изгои становятся у руля верховной власти во вновь формирующейся государственной структуре, выполняют роль политической элиты. Возникает ситуация конкуренции обычая и потребности (экономической и политической) уже на уровне противостояния разных принципов, норм и форм социальной организации внутри этноса – родо-племенной и в современном смысле

политической, опирающейся на государственные институты и закон. Дефицитность или достаточность ресурсов имеет разные последствия в зависимости от того, каким образом эта ситуация социумом осознается в рамках свойственных ему мифологических представлений: как обычный или как необычный порядок вещей. Поэтому одни и те же народы демонстрируют разную динамику развития в разные эпохи, разное отношение к сходным проблемам в базовых практиках и, соответственно, разные уровни пассионарности. Многие в их судьбе решают факторы, внешне совсем, с современной точки зрения, для политики несущественные, вроде пророчеств и знамений, пресечений правящих династий, нашествий до толе неизвестных врагов.

Империя возникает по следам пассионарного всплеска, как результат такой конкуренции, разворачивающейся сразу по двум направлениям: между сообществами, возглавляемыми пассионариями и персистентными этносами, а также внутри самих пассионарных этносов, между политической элитой, живущей по установленным ей для самой себя законам, и большинством рядового населения, продолжающего придерживаться обычаев предков. Империя выглядит в этом ракурсе как стремление пассионариев расширить ресурсную базу своего существования и лидерства за счет персистентных структур. Как персистентных структур внутри самого этноса, мобилизованного для соучастия в имперской политике своих элит, для осуществления завоеваний и последующего административного и экономического контроля имперских территорий, так и за счет других социально-территориальных систем. Это, возможно, объясняет, почему в большинстве имперских практик так тесно переплетены моменты традиционализма во всех его проявлениях

и моменты политического, экономического и культурного новаторства. Это объясняет, почему идеологически и мифологически имперогенез обычно осмысливается в героическом русле, как некий «трудовой подвиг» военных и административных элит, создавших «новый мир из ничего». Уместно в качестве примера привести ту политическую мифологию, которой сопровождалось рождение Российской империи во времена Петра Великого, царя-труженика, покорителя природы и собственного косного народа, и которая в основных элементах продолжает жить сегодня.

Эта схема, при всей ее очевидной формальности, дает возможность понять причину, по которой в определенный момент формирование имперской системы может прерваться. Фактически, не принципиальным является тот набор качественных и институциональных характеристик и элементов (которые мы сегодня воспринимаем в качестве необходимого набора признаков «нормальной» империи), который обеспечит в конкурентной борьбе сторонников обычая и пассионариев последним контроль над жизненно необходимыми ресурсами внутри собственного социума и вне его. Империя может достаточно быстро распасться вследствие уверенности тех, кто ее создавал, или их ближайших потомков, что проблема контроля ресурсов, обеспечивающих существование политических элит за пределами обычая, раз и навсегда решена. Наличие в структуре самой имперской системы персистентных по своему качеству структур является постоянным гарантом возможности того, что доминирующие в массовой культуре приверженности обычаю и стремление сохранить в неприкосновенности миропорядок, унаследованный от предков, перевесят на весах истории и имперская система прервет свое развитие.

УДК 94(47)+929 Крамарж

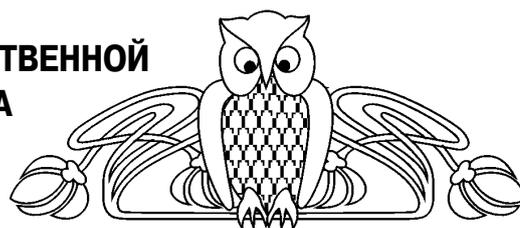
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. КРАМАРЖА

В.А. Митрохин

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

В статье исследуются взгляды выдающегося общественного деятеля Чехословакии Карела Крамаржа в отношении Российского государства и радикальной модернизации, приведшей к массовой эмиграции из страны. Рассматриваются взаимоотношения К. Крамаржа с представителями разных политических течений российской эмиграции в 20-е годы XX века, а также общественная борьба, развернувшаяся как в самом эмигрантском сообществе, так и в среде чехословацкой политической элиты.

Ключевые слова: эмиграция, славянские народы, государственное строительство, балканская политика, большевизм, демократия.

Political experience of Russia in public and scientific activity of K. Kramarz

V. A. Mitrokhin

In article sights of the outstanding public figure of Czechoslovakia Karel Kramarz concerning the Russian state and the radical modernisation which have led to mass emigration from the country are investigated. K. Kramarz's mutual relations with representatives of different political trends of the Russian emigration in 20th years of the XX-th century, and also the public struggle developed both in the most